

Послушай, марксист!

Мюррей Букчин

1969

Оглавление

Исторические рамки марксизма	5
Миф о пролетариате	7
Миф о партии	15
Две традиции	23
Примечание об аффинити-группах	30
Примечания:	32

Всё старое деръмо тридцатых годов возвращается снова – деръмо о «классовой линии», «роли рабочего класса», «подготовке кадров», «авангардной партии» и «диктатуре пролетариата». Это всё снова возвращается, и в еще более пошлой форме, чем когда-либо. Прогрессивная Рабочая партия не единственный пример, просто он наихудший. Каждый чувствует запах одного и того же деръма в различных ответвлениях СДС, и в марксистских и социалистических клубах в университетских городках, не говоря уже о троцкистских группах, Международных социалистических клубах (International Socialist Clubs) и Молодежи против войны и фашизма (Youth Against War and Fascism).

В тридцатые годы это было, по крайней мере, понятно. Соединенные Штаты были парализованы хроническим экономическим кризисом, самым глубоким и самым продолжительным в их истории. Единственными живыми силами, которые, казалось бы, били в стены капитализма, были большие организованные профсоюзы Конгресса производственных профсоюзов США (КПП), с их драматическими сидячими забастовками, радикальной воинственностью и кровавыми столкновениями с полицией. Политическая атмосфера всего мира была наэлектризована Гражданской войной в Испании, последней в череде классических рабочих революций, когда все радикальные секты Американской Левой могли отождествлять себя с соответствующими колоннами милиции в Мадриде и Барселоне. Это было тридцать лет назад. Это было время, когда любой, кто потребовал бы «Занимайтесь любовью, а не войной», воспринимался бы как фрик. Тогда требовали «Занимайтесь работой, а не войной»: требование времени, обремененного дефицитом, когда достижение социализма предполагало «жертвы» и «переходный период» к эпохе материального изобилия. Восемнадцатилетнему ребенку 1937-го года само понятие компьютеризации показалось бы дикой научной фантастикой, фантазией, сопоставимой с представлением о космических путешествиях. Тот восемнадцатилетний ребенок достиг теперь пятидесятилетнего возраста, и его корни уходят в столь отдаленную эпоху, которая качественно отличается от современных реалий Соединенных Штатов. Сам капитализм изменился с тех пор, принимая все более слоистые формы, какие тридцать лет назад можно был лишь смутно представить. И вот теперь нас призывают вернуться к «классовой линии», «стратегии», «кадрам» и организационным формам того далекого от нас периода при почти волнившем игнорировании вновь возникших проблем и возможностей.

Когда, черт возьми, мы, наконец, соберемся создать движение, которое будет смотреть в будущее, а не в прошлое? Когда мы начнем учиться у того что рождается, а не у того, что умирает? Маркс, к его чести, пытался в свое время это сделать, он попытался вызвать дух будущности в революционном движении 1840-х – 1850-х годов. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых, – писал он в «Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта». – И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, па этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные традиции 1793–1795 годов. (...) Социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяkim суеверным почитанием старины (...) чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертв-

вецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы» (Karl Marx, «The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte,» in Marx and Engels, Selected Works, vol. 2, p. 318.).

Изменилась ли эта проблема сегодня, когда мы приближаемся к двадцать первому столетию? Снова мертвые ходят среди нас – по иронии судьбы, прикрываясь именем Маркса, человека, который пытался похоронить мертвых девятнадцатого столетия. Получается, что революция наших дней не может сделать ничего лучше, кроме как пародировать, в свою очередь, Октябрьскую Революцию 1917-го года и гражданскую войну 1918-1920 годов, с их «классовой линией», большевистской партией, «диктатурой пролетариата», пуританской моралью, и даже лозунгом «Советской власти». Полная, всесторонняя революция наших дней, которая может, наконец, решить исторический «социальный вопрос», рожденный в условиях дефицита, господства и иерархии, следует традиции частичных, однобоких, неполных революций прошлого, которые всего лишь изменили форму «социального вопроса», заменив одну систему господства и иерархии другой. В то время, когда само буржуазное общество находится в процессе распада всех социальных классов, которые некогда придали ему устойчивость, мы слышим глупые требования «классовой линии». В то время, когда все политические институты иерархического общества входят в период глубокого распада, мы слышим глупые требования «политических партий» и «рабочего государства». В то время, когда становится под вопрос иерархия как таковая, мы слышим глупые требования «кадров», «авангарда» и «вождей». В то время, когда централизация и государство дошли до самой взрывоопасной точки исторического отрицания, мы слышим глупые требования «централизованного движения» и «диктатуры пролетариата».

Этот поиск гарантии в прошлом, эта попытка найти убежище в неподвижной догме и организационной иерархии взамен творческой мысли и практики является горьким свидетельством того, насколько в малой степени многие революционеры способны «реконструировать себя и вещи», и тем более реконструировать общество в целом. Закоренелый консерватизм «революционеров» из ПРП^{1*} болезненно очевиден; на смену патриарху и школьной бюрократии приходят авторитарный руководитель и иерархия; дисциплина Движения сменяет дисциплину буржуазного общества; кredo «пролетарской морали» заменяет пуританские нравы и трудовую этику. Старая суть эксплуататорского общества вновь возникает в новых формах, завернутых в красный флаг, декорированных портретом Мао (либо Кастро или Че) и украшенных маленькой «Красной книгой» и другим священным текстом.

Большинство людей, которые сегодня остаются в ПРП, достойны такой участи. Если они могут жить с движением, которое цинично приделывает свои лозунги к фотографиям пикетов DRUM^{2*}; если они в состоянии читать журнал, который задается вопросом, является ли Маркузе «трусливым соглашателем или копом»; если они могут принять «дисциплину», которая нивелирует их до роли бесстрастных, запрограммированных автоматов; если они могут использовать самые отвратительные методы (методы, заимствованные из выгребной ямы буржуазных деловых операций и парламентаризма), чтобы манипулировать другими организациями; если они могут паразитировать практически на любых действиях и ситуациях

¹Эти строки были написаны, когда Прогрессивная рабочая партия (ПРП) имела большое влияние в СДС. Хотя теперь ПРП потеряла большую часть своего влияния в студенческом движении, организация по-прежнему представляет собой хороший пример менталитета и ценностей, распространенных среди Старых левых. Вышеупомянутая характеристика в равной степени действительна для большинства марксистко-ленинских групп, поэтому этот пассаж и другие ссылки на ПРП не были существенно изменены.

²Революционное профсоюзное движение работников Доджа (Dodge Revolutionary Union Movement) часть Детройтской Лиги революционных черных рабочих.

единственно лишь для роста собственной партии – даже если это означает поражение самого действия – тогда они не заслуживают даже презрения. Для этих людей называть себя красивыми, а критику в свой адрес – преследованием красных есть форма маккартизма наизнанку. Перефразируя сочное описание Троцким сталинизма, они – сифилис современного радикального молодежного движения. И для сифилиса есть только одно лечение – антибиотик, не аргумент.

Нас беспокоят те честные революционеры, которые обратились к марксизму, ленинизму или троцкизму в искренних поисках последовательной социальной перспективы и эффективной стратегии революции. Мы беспокоимся также о тех, кто испытывает трепет перед теоретическим репертуаром марксисткой идеологии и настроен на флирт с ней в свете отсутствия более систематических альтернатив. К этим людям мы обращаемся, как к нашим братьям и сестрам, и призываем их к серьезной дискуссии и к всеобъемлющей переоценке. Мы считаем, что марксизм больше неприменим к нашему времени – не потому что он является слишком мечтательным или революционным, но именно потому что он недостаточно мечтательный и революционный. Мы утверждаем, что он родился в эпоху дефицита и выступил с блестящей критикой той эпохи, особенно индустриального капитализма, но теперь зарождается новая эра, которую марксизм не в состоянии адекватно осмыслить, и очертания которой он лишь частично и односторонне предчувствовал. Мы утверждаем, что проблема заключается не в «отказе» от марксизма или его «аннулировании», но в его диалектическом преодолении, как сам Маркс выходил за рамки гегелевской философии, рикардовской экономики, и бланкистских тактики и способов организации. Мы намерены доказать, что на более продвинутой стадии капитализма, чем та, с какой Маркс имел дело столетие назад, и на более продвинутой стадии технологического развития, нежели Маркс мог ясно предвидеть, необходима новая критика, что, в свою очередь ведет к новым формам борьбы, организации, пропаганды и образа жизни. Называйте эти новые способы так как вы того пожелаете. Мы же решили назвать этот новый подход анархизмом постдефицита, по ряду веских причин, которые станут очевидными на последующих страницах.

Исторические рамки марксизма

Идея, будто человек, чьи основные теоретические выкладки были сделаны между 1840 и 1880 гг., может «предвидеть» всю диалектику капитализма, на первый же взгляд совершенно нелепа. Если мы все еще можем многое почерпнуть из идей Маркса, то еще больше мы можем почерпнуть из неизбежных ошибок человека, который был ограничен эпохой материального дефицита и технологий, лишь только приступавших к использованию электроэнергии. Мы можем изучить, насколько отличается наша собственная эра от всего прошлого, насколько качественно новыми являются потенциальные возможности, с которыми мы сталкиваемся, насколько уникальны проблемы, анализ и практика, которые стоят перед нами, если мы желаем совершить революцию, а не очередной исторический аборта.

Проблема не в том, что марксизм – это некий «метод», который должен быть по-новому применен к «новым ситуациям», или что следует разработать некий неомарксизм, чтобы преодолеть ограниченность «классического марксизма». Попытка спасти марксистское наследие, делая упор на системный метод или добавляя приставку «нео» к священному слову, есть явная мистификация, если все практические выводы из системы категорически против-

воречат этим усилиям^{3*}. Именно таково положение дел в сегодняшнем толковании марксизма. Марксисты опираются на тот факт, что система дала блестящее истолкование прошлого, но сознательно игнорируют те ее черты, которые вводят в заблуждение, когда речь заходит о настоящем и будущем. Они ссылаются на последовательность истолкования истории в историческом материализме и классовом анализе, на экономическую прозорливость «Капитала» в том, что касалось развития индустриального капитализма, на блестящий анализ Марксом ранних революций и сделанные им тактические выводы, отказываясь признать, что возникли качественно новые проблемы, каких вовсе не существовало в его время. Действительно ли можно перенести исторические проблемы и методы классового анализа, полностью основанного на неминуемом дефиците, в новую эпоху потенциального изобилия? Может ли экономический анализ, сосредоточенный, в первую очередь, на системе «свободной конкуренции» индустриального капитализма, быть перенесен на управляемую систему капитализма, в которой государство и монополии объединяются, чтобы манипулировать экономической жизнью? Возможно ли, в самом деле, перенести стратегический и тактический репертуар, сформулированный в период, когда сталь и уголь являлись основой промышленной технологии, на эпоху, основанную на радикально новых источниках энергии, электронике, компьютеризации?

В результате такого переноса теоретический свод, несший сто лет назад освобождение, превратился ныне в смирильную рубашку. Нас призывают сосредоточиться на рабочем классе как на «агенте» революционных перемен в то время, когда капитализм явно восстанавливает против себя практически все слои общества, особенно молодежь, порождая среди них революционеров. Нас призывают руководствоваться в своих тактических методах представлением о «хроническом экономическом кризисе», несмотря на то, что никакого подобного кризиса не было в течение последних тридцати лет^{4*}. Нас зовут принять «диктатуру пролетариата» как длительный «переходный период», функция которого состоит не просто в подавлении контрреволюционеров, но, прежде всего, в развитии технологии изобилия – в то время как технология изобилия у нас в руках. Нас призывают ориентировать наши «стратегию» и «тактику» на бедность и материальную нищету в то время, когда революционный настрой порождается банальностью жизни в условиях материального изобилия (данное утверждение Мюррея Букчина было применимо, в первую очередь, к т.н. «развитым» странам, да и там эта эпоха стала уходить в прошлое с начала 1980-х годов, когда началось сворачивание модели социального государства и переход к неолиберализму, что привело к массовому распространению «новой бедности» – прим. пер.). Нас убеждают создавать политические партии, централизованные организации, «революционные» иерархии и элиты, и новое государство в то время, когда политические институты как таковые распадаются,

³Марксизм – это, прежде всего, теория практики, или же, ставя эту связь в ее подлинную перспективу, практика теории. Таков действительный смысл преобразования диалектики Марксом, который перевел ее из субъективного измерения (к коему младогегельянцы все еще пытались свести мировоззрение Гегеля) в объективное, из философской критики в социальное действие. Если теория и практика разрываются, то происходит не убийство марксизма, а его самоубийство. Это его самая замечательная и благородная особенность. Попытки идиотов, идущих по следам Маркса, сохранить систему с помощью путаных исправлений, подмен и бестолкового «школьства» в стиле Мориса Добба и Джорджа Новака унизительно оскорбляют имя Маркса и отвратительно загрязняют все то, за что он выступал.

⁴На самом деле марксисты очень мало говорят о «хроническом [экономическом] кризисе капитализма» в наши дни – несмотря на то, что это понятие формирует фокус экономических теорий Маркса. (Стоит отметить, что в данном случае Мюррей Букчин явно поспешил с выводами – уже в 1973 году начался так называемый «Нефтяной кризис», не говоря уже о последующих кризисах, сопровождающих новую эпоху в истории капитализма – эпоху неолиберальной экономики – прим. пер.)

и когда централизация, элитаризм и государство оказываются под вопросом в такой мере, как никогда еще прежде в истории иерархического общества.

Короче говоря, нас зовут вернуться в прошлое, сдержать, а не развивать пульсирующую реальность нашего времени, с ее надеждами и обещаниями, – вернуться к мертвящим предрасудкам отжившей эпохи. Нас призывают действовать в соответствии с принципами, которые были превзойдены не только теоретически, но и самим общественным развитием. История не остановилась после смерти Маркса, Энгельса, Ленина и Троцкого, и при этом не следовала упрощенному направлению, какое было начертано мыслителями – какими бы блестящими они ни были – чьи умы все еще произрастали из девятнадцатого или самого начала двадцатого столетия. Мы видели, как сам капитализм выполнил многие из тех задач (включая развитие технологии изобилия), которые расценивались как социалистические; мы видели, как он «национализирует» собственность, объединяя экономику и государство везде, где это необходимо. Мы видели рабочий класс,нейтрализованный как «агент революционных изменений», хотя и все еще борющийся в буржуазных рамках за большую заработную плату, сокращение рабочего дня и «дополнительные» льготы. Классовая борьба в классическом смысле не исчезла; она в значительной степени была притуплена, встроена в капитализм. Революционная борьба в развитых капиталистических странах перешла на новую историческую почву: она стала борьбой между поколением молодежи, которая не знала хронического экономического кризиса, и культурой, ценностями и институтами старого, консервативного поколения, чей взгляд на жизнь формировался дефицитом, чувством вины, отказом, трудовой этикой и стремлением к материальной обеспеченности. Наши враги – это не только явно укрепившаяся буржуазия и государственный аппарат, но также и мировоззрение, которое находит поддержку среди либералов, социал-демократов, прислужников коррумпированных средств массовой информации, «революционных» партий прошлого и – как бы это ни было больно для приспешников марксизма – рабочих, находящихся во власти фабричной иерархии, индустриальной рутины и трудовой этики. Дело в том, что разделение теперь пролегает через фактически все традиционные классовые линии и поднимают спектр проблем, которые никто из марксистов, опираясь на аналогии с обществом дефицита, не мог предвидеть.

Миф о пролетариате

Давайте отбросим все идеологические обломки прошлого и обратимся к теоретическим корням проблемы. Для нашей эпохи наибольшим вкладом Маркса в революционную мысль является его диалектика общественного развития. Маркс обнаружил великое движение от первобытного коммунизма, через частную собственность, к коммунизму в его высшей форме – коммунальному обществу, опирающемуся на освободительные технологии. В этом движении, согласно Марксу, человек переходит от господства природы над человеком, к господству человека над человеком, и, наконец, к господству человека над природой^{5*}, а также от социального господства как такового. В рамках этой масштабной диалектики Маркс исследует диалектику самого капитализма – общественного строя, который представляет собой последнюю историческую «стадию» в господстве человека над человеком. Здесь Маркс делает не только глубокий вклад в современную революционную мысль (в частности,

⁵По экологическим причинам мы не принимаем понятие «господство человека над природой» в упрощенном смысле, который был принят столетие назад Марксом. Для обсуждения данной проблемы отсылаю в раздел «Экология и революционная мысль».

в своем блестящем анализе товарных отношений), но и демонстрирует ту ограниченность во времени и в месте, которая играет столь сдерживающую роль в наше время.

Наиболее серьезное из этих ограничений возникает из попытки Маркса объяснить переход от капитализма к социализму, от классового к бесклассовому обществу. Крайне важно подчеркнуть, что это объяснение было обосновано почти полностью по аналогии с переходом от феодализма к капитализму – то есть, от одного классового общества к другому классовому обществу, от одной системы собственности к другой. Таким образом, Маркс указывает, что так же как и буржуазия развивалась в рамках феодализма в результате раскола между городом и деревней (точнее, между ремеслами и сельским хозяйством), современный пролетариат развивается в рамках капитализма в результате индустриального технологического прогресса. Оба класса, говорят нам, развиваются собственные общественные интересы – по сути, революционные общественные интересы, которые бросают их против старого общества, в котором они возникли. Если буржуазия получила контроль над экономической жизнью задолго до того как свергло феодальное общество, то пролетариат, в свою очередь, обретает свою революционную власть, благодаря тому факту, что он «дисциплинируется, объединяется, организовывается» фабричной системой^{6*}. В обоих случаях развитие производительных сил становится несовместимым с традиционной системой общественных отношений. «Оболочка разрывается на куски». Старое общество сменяется новым.

Насущный вопрос, с которым мы сталкиваемся, заключается в следующем: можем ли мы объяснить переход от классового к бесклассовому обществу посредством тех жеialectических методов, что и переход от одного классового общества к другому? Это не проблема из учебника, вовлекающая в жонглирование логическими абстракциями, но весьма реальная и конкретная проблема для нашего времени. Существуют глубокие различия между развитием буржуазии в эпоху феодализма и пролетариата при капитализме; Маркс или не сумел их предвидеть, или же никогда с ними ясно не сталкивался. Буржуазия контролировала экономическую жизнь задолго до того как завоевала государственную власть; она стала доминирующим классом в материальном, культурном и идеологическом плане прежде чем утвердила свое политическое господство. Пролетариат не контролирует экономическую жизнь. Несмотря на свою незаменимую роль в производственном процессе, промышленный рабочий класс даже не является большинством населения, и его стратегическое экономическое положение разрушается под натиском компьютеризации и других технологических инноваций^{7*}. Следо-

⁶Как это ни парадоксально марксисты, которые говорят об «экономической власти» пролетариата фактически повторяют позицию анархо-синдикалистов, позицию, против которой Маркс решительно возражал. Маркса интересовала не «экономическая власть» пролетариата, а его политическая власть; особенно тот факт, что он станет большинством населения. Он был убежден, что промышленных рабочих будет вести к революции, прежде всего, нищета, которая, по его мысли, вытекает из тенденции капиталистического накопления; так что, организованные фабричной системой и дисциплинируемые индустриальной рутиной, они смогут создать профсоюзы и, прежде всего, политические партии, которые в некоторых странах будут вынуждены использовать методы восстания, а в других (Англии, Соединенных Штатах, а в последующие годы Энгельс добавил к этому Францию) вполне могли бы прийти к власти посредством выборов и законодательно ввести социализм. Характерно, что многие марксисты могут оказаться столь нечестными по отношению к своим Марксу и Энгельсу, как Прогрессивная рабочая партия – по отношению к читателям Challenge, не переводя некоторые важные замечания или грубо исказяя смысл высказываний Маркса.

⁷Здесь представляется подходящий случай для того, чтобы опровергнуть понятие, что «пролетарием» является любой, кому нечего продать кроме собственной рабочей силы. Действительно, Маркс определял пролетариат в таких терминах, но он также разработал историческую диалектику развития пролетариата. Пролетариат развивается из неимущего эксплуатируемого класса, достигая своей наиболее развитой формы в промышленном пролетариате, который соответствует наиболее развитой форме капитала. В последние годы своей жизни Маркс пришел к тому, что стал презирать парижских рабочих, преимущественно занятых в производстве предметов

вательно, для пролетариата необходимо наличие высокого уровня сознательности, чтобы он использовал свою мощь для свершения социальной революции. До сих пор достижение этой сознательности было заблокировано тем фактом, что фабричная среда – одна из наиболее укоренившихся сфер трудовой этики, иерархической системы управления, повиновения руководителям, а в последнее время производство все более служит изготовлению излишних товаров и вооружений. Завод служит не только для того чтобы «дисциплинировать», «объединять» и «организовывать» рабочих, но также и для того чтобы прививать буржуазную моду. На заводе, капиталистическом производстве не только ежедневно воспроизводятся капиталистические социальные отношения, как отмечал Маркс, но также и психология, ценности и идеология капитализма.

(Критика Букчина верна по отношению к традиционному марксистскому пониманию пролетариата, которое считало наиболее последовательным воплощением пролетариата работников физического труда, занятых исключительно в материальном, в первую очередь, фабричном производстве. Следует отметить, что в анархо-синдикализме пролетариат понимается иначе. «...Промышленный или сельскохозяйственный рабочий, городской или сельский ремесленник (...), частный или государственный служащий, прораб, техник, преподаватель, ученик, писатель, человек искусства, которые живут исключительно результатами собственного труда, принадлежат к одному и тому же классу – пролетариату», – объяснял в этой связи французский анархо-синдикалист Пьер Бенар. При таком понимании, пролетариат составляет подавляющую часть населения большинства стран мира. В то же время, рабочий анархизм не считает, что революционная сознательность пролетариата автоматически вытекает из его классового положения, и не считает фабричную иерархию той школой, «учеба» в которой способствует развитию освободительных стремлений у пролетариев. – Прим. В.Д.)

Маркс в достаточной мере ощущал это обстоятельство, чтобы искать причины, более привлекательные для развития революционной деятельности, нежели просто сам факт эксплуатации или же конфликтов по поводу заработной платы и рабочего времени. В своей общей теории капиталистического накопления он попытался выделить жесткие, объективные законы, которые вынуждают пролетариат к принятию революционной роли. Соответственно, он выдвинул знаменитую теорию обнищания: конкуренция между капиталистами заставляет их сбивать цены друг друга, что, в свою очередь, приводит к непрерывному сокращению заработной платы и абсолютному обнищанию рабочих. Пролетариат вынужден восставать, потому что в процессе конкуренции и централизации капитала происходит «массовое возрастане нищеты, угнетения, рабства, деградации»^{8*}.

Но капитализм не стоял на месте со временем Маркса. Размышая в середине девятнадцатого столетия, Маркс не был в состоянии осознать все значение своих догадок о централизации капитала и технологического развития. Он не мог предположить, что капитализм будет раз-

роскоши, ссылаясь на «наших немецких рабочих» – наиболее роботоподобных в Европе – в качестве «модели» мирового пролетариата.

⁸Попытка описать теорию обнищания Маркса в международном плане вместо национального (как это делал Маркс) является чистой отговоркой. Во-первых, эти теоретические фокусы просто пытаются уклониться от вопроса о том, почему обнищания не произошло в промышленных цитаделях капитализма, единственной области, которая формирует технологическую точку, отвечающую требованиям перехода к бесклассовому обществу. Если мы возлагаем наши надежды на колониальный мир как на «пролетариат», то такая позиция таит в себе реальную опасность: геноцид. Америка и ее недавний союзник Россия имеют все технические средства для того чтобы вбомбить развивающиеся страны себе в подчинение. На истрическом горизонте встает затаенная угроза превращения Соединенных Штатов в истинно фашистскую империю нацистского типа. Говорить, будто что данная страна является «бумажным тигром», – сущая чепуха. Этот термоядерный тигр, и американский правящий класс, не имея каких либо культурных ограничений, способен стать еще более ужасным, нежели германский.

виваться не только от меркантилизма к преобладающей индустриальной форме его дней – от получающих финансовую помощь от государства торговых монополий к высоко конкурентоспособным промышленным предприятиям. В дальнейшем, с централизацией капитала, капитализм вернулся к собственным торговым основам на более высоком уровне развития и повторно обрел получающую финансовую помощь от государства монополистическую форму. Экономика имеет тенденцию сливаться с государством, и капитализм начинает «планировать» свое развитие вместо того чтобы оставить его исключительно взаимодействию конкурирующих рыночных сил. Безусловно, система не отменяет традиционную классовую борьбу, но умеет сдерживать ее, используя свои огромные технологические ресурсы, чтобы ассимилировать большинство стратегически важных слоев рабочего класса.

Таким образом, ударная сила теории обнищания притупляется и в Соединенных Штатах традиционная классовая борьба не может развиться в классовую войну. Она продолжает полностью оставаться в буржуазных рамках. Марксизм, по сути, становится идеологией. Он ассимилируется наиболее передовыми формами государственного капитализма – в особенности это касается России. По невероятной иронии истории, марксистский «социализм» все больше и больше оборачивается государственным капитализмом, чего Маркс не был в состоянии предвидеть в диалектике капитализма^{9*}. Пролетариат, вместо того чтобы развиваться в революционный класс в недрах капитализма, оказывается одним из органов тела буржуазного общества.

Вопрос, который мы должны задать в этот предельный исторический момент, таков: может ли социальная революция, которая стремится достигнуть бесклассового общества, вырасти из конфликта между традиционными классами в классовом обществе, или же такая социальная революция может возникнуть только из разложения традиционных классов, по сути, из возникновения совершенно нового «класса», сама суть которого в том, что это не-класс, растущий слой революционеров. В попытке ответить на данный вопрос мы больше поймем, вернувшись к более широкой диалектике – той, какую Маркс вывел для человеческого общества в целом, а не к модели, которую он заимствовал из перехода от феодализма к капиталистическому обществу. Подобно тому, как первобытные родственные кланы начали разлагаться на классы, так же и в наши дни существует тенденция распада классов на совершенно новые субкультуры, которые несут в себе сходство с некапиталистическими формами отношений. Они больше не являются строго экономическими группами; фактически, они отражают тенденции социального развития, выходящие за рамки экономических категорий общества дефицита. Они представляют собой, в действительности, незрелое, неясное культурное предформирование движения от дефицита к обществу постдефицита.

Процесс классового разложения должен быть понят всесторонне. Следует подчеркнуть слово «процесс»: традиционные классы не исчезают, это не имеет и отношения к классовой борьбе. Только социальная революция способна устраниć сложившуюся общественную структуру и порождаемые ею конфликты. Дело в том, что традиционная классовая борьба утрачивает революционное значение; она проявляется как физиология бытующего общества, а не как родовые схватки нового. На самом деле, традиционная классовая борьба стабилизирует капиталистическое общество, «исправляя» его злоупотребления (в заработной плате, сфере рабочего времени, инфляции, занятости и т.д.). Профсоюзы в капиталистическом обществе формируются в борьбе контр-«монополий» с индустриальными монополиями и включены

⁹Ленин ощущал это и написал, что «социализм» «не что иное как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа» (V. I. Lenin, The Threatening Catastrophe and How to Fight It, The Little Lenin Library, vol. 11 (International Publishers; New York, 1932), p. 37.). Это крайне важное заявление, если продумать, что оно значит и к какому обилию противоречий ведет.

в неомеркантилистскую стратифицированную экономику как ее часть. В этих пределах существуют большие или меньшие конфликты, однако же, взятые в целом, профсоюзы только укрепляют систему и служат ее увековечиванию (Речь может в данном случае идти только о тред-юнионах – профсоюзах, не ставящих своей целью свержение капиталистического общества, но встроенных в систему капиталистических отношений, то есть профсоюзах типичного социал-партнерского характера. Анархо-синдикалистские профсоюзы, ведущие борьбу за революционное переустройство общества, под данное описание не попадают по сути своей деятельности. О том, что представляет собой анархо-синдикализм, см. например: Банс П., Дешан Э. Что такое анархо-синдикализм; Дамье В. В. Из истории анархо-синдикализма; Rocker R. Anarchosyndicalism – прим. пер.).

Укреплять эту классовую структуру с помощью лепета насчет «роли рабочего класса», усиливать традиционную классовую борьбу, вводя в нее «революционный» контекст, заражать новое революционное движение нашего времени «рабочизмом» – реакционно по своей сути. Как часто марксистским доктринерам необходимо напоминать, что история классовой борьбы – это история болезни, ран, вскрытых знаменитым «социальным вопросом», односторонним развитием человека в попытке получить контроль над природой, господствуя над другим человеком? Если побочным продуктом данной болезни стал технический прогресс, то главным продуктом явились репрессии, ужасное пролитие человеческой крови и кошмарное извращение человеческой психики.

Поскольку болезнь приближается к своему концу, а раны начинают заживать из глубины, процесс теперь постепенно ведет к целостности; революционная подоплека традиционной классовой борьбы теряет свое значение как теоретическая конструкция и как социальная реальность. Процесс разложения охватывает не только традиционную классовую структуру, но также и патриархальную семью, авторитарные способы воспитания, влияние религии, государственные институты, и традиции, построенные на основе тяжелого труда, отречения, чувства вины и подавляемой сексуальности. Замкнутый процесс распада, теперь становится всеобщим и затрагивает практически все традиционные классы, ценности и институты. Это создает совершенно новые проблемы, способы борьбы и формы организации и требует совершенно нового подхода к теории и практике.

Что это означает конкретно? Давайте сопоставим два подхода, марксистский и революционный. Марксистский доктринер хотел бы приблизить нас к рабочему – или точнее, «проникнуть» на фабрику – и убедить его в «предпочтении» перед кем-либо иным. Цель? – сделать рабочих «классово сознательными». Приведя наиболее неандертальский из примеров действий старых левых: подстричь волосы, облачиться в консервативный спортивный костюм, отказаться от травки в пользу табака и пива, танцевать «обычные» танцы, имитировать грубые манеры и ходить с лишенным следа юмора, ужасающе-серьезным и напыщенным видом^{10*}.

Короче говоря, человек становится худшей карикатурой на рабочего – разумеется, не «мелкобуржуазным перерожденцем», а выродившимся буржуа. Он становится подобием рабочего в той степени, в какой рабочий является подобием своих хозяев. Нисходящая метаморфоза студента до «рабочего» пронизана порочным цинизмом. Активист пытается использовать дисциплину, привитую фабричной средой, чтобы навязать рабочему дисциплину, делающего его пригодной для партийной среды. Он пытается использовать уважительное от-

¹⁰ В этом отношении старые левые проецируют свои собственные неандертальские представления на американских рабочих. На самом деле эти представления ближе по своему характеру профбюрократам или сталинистским комиссарам.

ношение рабочего к промышленной иерархии, чтобы скрестить рабочего с партийной иерархией. Это отвратительный процесс, который в случае успеха может привести лишь к замене одной иерархии другой, под прикрытием озабоченности повседневными экономическими требованиями рабочего. Даже марксистская теория деградирует в соответствии с таким карикатурным пониманием рабочего. (См. едва ли ни каждую копию Challenge, являющего собой National Enquirer левых. Ничто не может быть скучнее для рабочего, чем подобная литература). В конце концов, рабочий достаточно проницателен, чтобы понять, что он добьется лучших результатов в повседневной классовой борьбе с помощью своего бюрократического профсоюза, чем марксистской партийной бюрократии. Сороковые годы показали это настолько ярко, что через год или два, практически без протестов со стороны рядовых членов, профсоюзам удалось изгнать тысячи «марксистов», которые более десятилетия вели подготовительную работу, даже поднимаясь до высшего руководства старого Конгресса производственных профсоюзов США.

Рабочий становится революционером, не становясь в еще большей степени рабочим, а покончив со своей «рабочестью». И в этом он не одинок: то же самое относится к фермеру, студенту, клерку, солдату, чиновнику, специалисту – и к марксисту. Рабочий не в меньшей степени «буржуазен», чем фермер, студент, клерк, солдат, чиновник, специалист – и марксист. Его «рабочесть» является болезнью, от которой он страдает, социальным несчастьем, проявляющимся на индивидуальном уровне, как под увеличительным стеклом. Ленин понял это в работе «Что делать?», но протащил старую иерархию под красным флагом и некоей революционной фразеологией. Рабочий начинает революционизироваться, когда порывает со своей «рабочестью», когда начинает питать отвращение к своему классовому статусу здесь и сейчас, когда начинает избавляться от тех черт, которые марксисты больше всего в нем ценят – от своей трудовой этики, своего характера, созданного промышленной дисциплиной, своего уважения к иерархии, своего повиновения руководителям, своего потребительства, остатков своего пуританства. В этом смысле, рабочий становится революционером в той степени, в какой он избавляется от своего классового статуса и достигает не-классового сознания. (Хотя Мюррей Букчин верно характеризует пути революционизации человеческого сознания, он допускает неточность в формулировках. Дело в том, что в революционированном сознании человека, испытывающего отвращение к своему социальному, классовому статусу многое основывается на классовом сознании как понимании своего угнетенного положения в классовом обществе. Классовое сознание в этом смысле выступает как осознание своего классового статуса в сочетании с нежеланием находиться далее в этой роли и со стремлением устраниТЬ классовую стратификацию в обществе вообще, но не в стремлении установить власть «своего класса». Иными словами, «классовое» проявляется здесь как выразитель не-классовых, человеческих, освободительных ценностей, – прим. пер.). Он вырождается – и это вырождение прекрасно. То, от чего он избавляется – это как раз те самые классовые оковы, которые связывают его со всеми системами господства и подчинения. Он отказывается от этих классовых интересов, которые подчиняют его потребительству, жизни в городских предместьях и бухгалтерской жизненной концепции^{11*}.

¹¹ Рабочий, в этом смысле, начинает приближаться к переходным социальным человеческим типам, которые были самыми революционными элементами в истории. В целом, «пролетариат» был наиболее революционным в переходные периоды, когда он был психологически наименее «пролетаризированным» индустриальной системой. Великими образчиками классических рабочих революций были Петроград и Барселона, где рабочие были непосредственно вырваны из крестьянской среды, и Париж, где они все еще держались за ремесла или же пришли непосредственно из ремесленной среды. Этим рабочим было труднее всего приспособиться к индустриальному господству, и они служили постоянным источником социальных и революционных волн.

Наиболее перспективным для развития на фабриках сегодня является появление молодых рабочих, которые курят травку, кладут х*й на свою работу, перемещаются с завода на завод, носят длинные или удлиненные волосы, требуют большего свободного времени, а не большей платы, воруют, тревожат всех представителей власти, идут на дикие забастовки и подключают к этому своих коллег. Еще более перспективным является появление людей подобного типа в профессионально-технических училищах и средних школах, источниках будущего индустриального рабочего класса. В той мере, в какой рабочие, учащиеся профессионально-технических училищ и средних школ связывают свой образ жизни с различными аспектами анархистской молодежной культуры, в той же мере пролетариат может трансформироваться из силы, сохраняющей установленный порядок вещей, в революционную силу.

Когда человек сталкивается с переходом от репрессивного классового общества, основывающегося на материальном дефиците, к либертарному бесклассовому обществу, основывающемуся на материальном изобилии, возникает качественно новая ситуация. Из разлагающейся традиционной классовой структуры создается новый постоянно увеличивающийся человеческий тип: революционер. Этот революционер начинает бросать вызов не только экономическим и политическим исходным условиям иерархического общества, но иерархии как таковой. Он не только увеличивает необходимость социальной революции, но также пытается и жить по-революционному в той степени, в какой это возможно в современном обществе^{12*}. Он не только нападает на формы, созданные наследием господства и подчинения, но также и импровизирует с новыми либертарными формами, которые черпают свою поэзию из будущего.

(Характерно, что впоследствии Мюррей Букчин в значительной степени пересмотрел свое отношение к «прежним левым» и к так называемому «анархизму образа жизни», приобретшему откровенно карикатурный, псевдореволюционный, развлекательный характер. «...В Прежней Левой рабочий класс, по крайней мере, рассматривался (пусть с ошибками) как «не-классовый» класс – то есть, как особенный класс, которого сами внутренние тенден-

нений. В отличие от них, стабильный наследственный рабочий класс, как правило, на удивление, нереволюционен. Даже германские рабочих, которых Маркс и Энгельс считали моделью для европейского пролетариата, в своем большинстве не поддержали восстание «спартаковцев» в 1919 г. Они дали значительное большинство официальным социал-демократам на съезде рабочих советов и на выборах в Рейхстаг в последние годы и последовательно объединялись вокруг Социал-демократической партии вплоть до 1933 года.

¹²Этот революционный образ жизни может развиваться на фабриках и на улицах, в школах и в сквотах,, в пригородах, в районе Залива и в Ист-Сайде. Его суть состоит в вызове, и персональной «пропаганде действием», которая подрывает все нравы, институты и предрассудки господства и подчинения. По мере приближения общества к кануну революционного периода, заводы, школы и места жительства становятся действующей ареной революционной «игры» – «игры» с весьма серьезной сердцевиной. Забастовки становятся хроническим явлением и объявляются ради самого факта, чтобы разбить налет рутины, бросить вызов обществу, основанному на почасовой системе, разрушить тональность буржуазной нормальности. Этот новый настрой рабочих, студентов и людей, живущих по соседству друг с другом, является жизненно-важным предшественником действительного революционного преобразования. Наиболее сознательным выражением этого является требование «самоуправления»; рабочие отказываются быть «управляемыми» существами, живым классом. Наиболее очевидным данный процесс был в Испании, в канун революции 1936 г., когда рабочие почти в каждом городе и населенном пункте объявляли «безмотивную» забастовку – чтобы выразить свою независимость, свое чувство пробуждения, свой разрыв с общественными порядками и буржуазными условиями жизни. Это было также существенной особенностью всеобщей забастовки 1968 г. во Франции. (Последнее утверждение является явным преувеличением – Букчин экстраполировал на рабочий класс Франции настроения бунтующей студенческой молодежи, в то время как в реальности картина была несколько иной. См. в частности: Фёдоров А. Проблемы антиавторитарной альтернативы в XX веке // Либертарная мысль №3, зима 2009/2010 (раздел, посвященный событиям «Красного мая» 1968 г. в Париже). – прим пер.)

ции капитализма побуждают выражать универсальные интересы человечества и его потенциальную способность создать разумное общество. Такой подход хотя бы предполагал, что существуют общие человеческие интересы, которые могут быть... реализованы при социализме, коммунизме или анархизме. Сегодняшняя левая «деколицтурировала» этот призыв к универсальности до такой степени, что отрицает ее ценность... Что осталось в нашем времени от 60-х, так это некритичный в основе своей набор узких интересов..., которые сводят универсальные задачи к частным. Великий идеал освобожденного человечества – желательно, в гармонии с нечеловеческой природой – прочно разлагается частными притязаниями на гегемонию тех или иных тенденций на основе гендера, этноса и т.д.» – см.: M. Bookchin. «Social anarchism or lifestyle anarchism: An unbridgeable chasm». – Edinburgh: AK Press, 1995. P.67–68. Прежде левые опирались на массы и стремились к созданию массового движения, теперь они погрузились в чисто индивидуалистическую или групповую самореализацию. Букчин видел в этом проявление буржуазного индивидуализма «среднего класса»: «...Тысячи самозваных анархистов мало-помалу пожертвовали социальной сердцевиной анархистских идей в пользу повсеместному персонализму яппи и «нью эйджа», которым отмечена нынешняя упадочническая, обуржуазившаяся эра. Они перестали быть социалистами в подлинном смысле слова – сторонниками ориентированного на коммуну либертарного общества – и избегают каких-либо серьезных обязательств относительно организованной, программно-цельной социальной конфронтации с существующим порядком. Во все большем числе они следуют за широкой тенденцией среднего класса нынешнего времени, ведущей к упадническому персонализму во имя собственной суверенной «автономии», к щепетильному мистицизму во имя «интуитивизма» и к мечтам об истории до грехопадения во имя «примитивизма»» – Там же. Р.1–2 – прим. пер. и В.Д.)

Эта подготовка к будущему, это экспериментирование с освободительными постдифицитными формами социальных отношений могут оказаться иллюзорными, если будущее повлечет смену одного классового общества другим; однако же они совершенно необходимы для создания в будущем бесклассового общества, основанного на руинах классового общества. Кто же будет в этом случае «агентом» революционных преобразований? Это будет буквально подавляющее большинство общества, собранное из всех различных традиционных классов и слившееся в общую революционную силу распадом институтов, социальных форм, ценностей и образа жизни господствующей классовой структуры. Как правило, его наиболее передовым элементом является молодежь – поколение, которое не знало хронического экономического кризиса и которое все менее и менее ориентируется на миф о материальной гарантированности, столь широко распространенный среди поколения тридцатых годов.

Верно, что социальная революция не может быть достигнута без активной или пассивной поддержки рабочих, но не менее верно и то, что она не может быть достигнута без активной или пассивной поддержки крестьян, техников и специалистов. И прежде всего, она не может быть достигнута без поддержки молодежи, из которой правящий класс черпает пополнение для своих вооруженных сил. Если правящий класс сохраняет свою вооруженную мощь, революция погибла вне зависимости от того, насколько много рабочих сплачивается в ее поддержку. Это было наглядно продемонстрировано не только в Испании тридцатых, но и в Венгрии в пятидесятых и в Чехословакии в шестидесятых. Сегодняшняя революция – по самой своей природе, по своему стремлению к целостности – победит не только при участии солдат и рабочих, но именно поколения, к которому принадлежат солдаты, рабочие, техники, крестьяне, ученые, специалисты и даже трудящиеся-чиновники. Отказываясь от тактических инструкций прошлого, революция будущего следует по пути наименьшего сопротивления, пролагая наиболее короткий путь к самым восприимчивым областям населения вне зависимости

от их «классового положения». Она вскармливается всеми противоречиями буржуазного общества, а не только противоречиями 1860-х годов или 1917 года. Поэтому она привлекает всех, кто ощущает бремя эксплуатации, бедности, расизма, империализма и, конечно, тех, чьи жизни не состоялись из-за потребительства, жизни в пригородах, СМИ, семьи, школы, супермаркета и господствующей системы подавленной сексуальности. Здесь форма революции становится тотальной, посредством своей бесклассовой составляющей, антисобственничества, антиерархичности и целостного освободительного характера. .

Ринуться в этот революционный процесс с изношенными рецептами марксизма, лепетать о «классовой линии» и «роли рабочего класса» – означало бы подрыв настоящего и будущего прошлым. Разрабатывать эту мертвую идеологию, лепечь о «кадрах», «авангардной партии», «демократическом централизме» и «диктатуре пролетариата», – это чистейшая контрреволюция. Именно на это содержание «организационного вопроса» – этого губительного вклада ленинизма в марксизм – мы вынуждены теперь обратить внимание.

Миф о партии

Социальные революции делают не партии, группы или кадры, они возникают в результате глубинных исторических сил и противоречий, которые приводят в движение широкие слои населения. Они происходят не просто потому что «массы» посчитали существующее общество невыносимым (как утверждает Троцкий), но также из-за противоречий между действительным и возможным, между тем, что есть, и тем, что может быть. Крайняя нищета сама по себе не производит революций; гораздо чаще она порождает бесцельную деморализацию, или, того хуже, в особенности, индивидуальную борьбу за выживание.

Российская революция 1917 давит на мозги живых, словно ночной кошмар, потому что была в значительной степени результатом «невыносимых условий» разрушительной империалистической войны. Если у нее и были мечты, все они были разбиты еще более кровавой гражданской войной, голодом и предательством. То, что возникло из революции, было не развалинами старого общества, а руинами всех имевшихся надежд на достижение нового. Российская революция провалилась с треском; она заменила царизм государственным капитализмом^{13*}. Большевики оказались трагическими жертвами собственной идеологии

¹³Факт, которого Троцкий никогда не мог понять. Он никогда не сделал последовательные логические выводы из своей же концепции «комбинированного развития». Он видел (вполне справедливо), что царской России, запоздавшей в европейском буржуазном развитии, потребуются перенять наиболее развитая индустрия и классовые формы, вместо того чтобы проходить весь процесс буржуазного развития с самого начала. Он отбрасывал предположение о том, что Россия, раздираемая колоссальным внутренним подъемом смогла бы даже опередить европейское капиталистическое развитие. Загипнотизированный формулой «национализированная собственность равна социализму», он не учел, что монополистический капитализм сам стремится к слиянию с государством в рамках своей собственной внутренней диалектики. Большевики, устранив традиционные формы буржуазной общественной организации (которые все еще сдерживают государственный капитализм в Европе и Америке), невольно подготовили почву для «чистого» государственно-капиталистического развития, в котором государство (точнее было бы сказать – государственно-бюрократический аппарат – прим. пер.), наконец, становится правящим классом. Не имея поддержки со стороны технологически продвинутой Европы, российская революция стала внутренней контрреволюцией; Советская Россия стала формой государственного капитализма, который отнюдь не «идет на пользу всему народу». Ленинская аналогия между «социализмом» и государственным капитализмом стала ужасающей действительностью при Сталине. Несмотря на свое гуманистическое ядро, марксизм не был в состоянии понять, насколько близко его концепция «социализма» приближается к позднейшей стадии капитализма как такового – возвращению к меркантилистским формам на более высоком индустриальном уровне. Неспособность понять это развитие привела к разрушительной теоретической путанице в современном революционном движении, о чем свидетельствуют расколы среди троцкистов по этому вопросу.

и поплатились за это большим количеством собственных жизней во время чисток тридцатых годов. Пытаться извлечь какую-либо уникальную мудрость из этой революции дефицита – просто смехотворно. Из революций прошлого мы можем извлечь лишь тот урок, что все эти революции имеют общие и глубокие ограничения по сравнению с теми огромными возможностями, что открыты для нас теперь.

Самой поразительной особенностью прошлых революций является то, что все они начались спонтанно. Выберет ли для изучения исследователь первые фазы Великой французской революции 1789 г., революции 1848 г., Парижскую Коммуну, Российскую революцию 1905 г., свержение царизма в 1917 г., Венгерскую революцию 1956 г. или всеобщую забастовку во Франции 1968 г., – начальные этапы, как правило, окажутся одними и теми же: период брожения спонтанно взрывается в массовый подъем. Будет подъем успешным или нет, зависит от его решительности, и от того, перейдут ли войска на сторону народа.

«Славная партия», если она одна, почти неизменно отстает от развития событий. В феврале 1917 г. петроградская организация большевиков выступала против объявления забастовки непосредственно накануне революции, которой было суждено свергнуть царя. К счастью, рабочие проигнорировали большевистские «директивы» и все равно объявили забастовку. В последовавших за этим событиях, никто не удивился революции больше чем «революционные» партии, в том числе большевики. Как вспоминал большевистский лидер: «Руководящих начал от партийных центров совершенно не ощущалось... Петроградский Комитет был арестован, а представитель Ц. К. тов. Шляпников бессилен был дать директивы завтрашнего дня» (Quoted in Leon Trotsky, *The History of the Russian Revolution* (Simon & Schuster; New York, 1932), vol. 1, p. 144.). Возможно, в этом было его везение. Накануне ареста Петроградского комитета, его оценка ситуации и его собственная роль были столь мрачными, что если бы рабочие последовали за его руководством, то весьма сомнительно, что революция произошла бы именно тогда.

Подобная же история может быть рассказана о восстаниях, которые предшествовали 1917 г., и о тех, которые последовали позднее – достаточно упомянуть последнее, студенческий подъем и всеобщую забастовку в мае – июне 1968 г. во Франции. Существует удобная тенденция забывать, что в это время в Париже существовало около дюжины «жестко централизованных» организаций большевистского типа. Крайне редко упоминается, что практически все эти «авангардные» группы презрительно относились к студенческому восстанию вплоть до 7 мая, когда уличные бои вспыхнули всерьез. Троцкисты из «Революционной коммунистической молодежи» (Jeunesse Communiste Revolutionnaire) были известным исключением – и они, по сути, просто следовали за инициативой «Движения 22 марта»^{14*}. До 7 мая все маоистские группы критиковали студенческое восстание как периферийное и незначительное; троцкистская «Федерация революционных студентов» (Federation des Etudiants Revolutionnaires) рассматривала его как «авантюристическое» и пыталась заставить студентов покинуть баррикады 10 мая; Коммунистическая партия, конечно же, играла совершенно предательскую роль. Далекие от того, чтобы возглавить народное движение, маоисты и троцкисты были во всем его пленниками. Как ни странно, большинство из этих большевистских групп бесстыдно использовали манипулятивные методы на Сорbonской студенческой ассамблее, для того чтобы «контролировать» его, создавая подрывную атмосферу, которая деморализовывала все тело. Наконец, в довершение иронии, все эти большевистские

¹⁴ «Движение 22 марта» служило катализатором событий, а не их руководителем. Оно не командовало; но подстрекало, оставляя свободу игре случая. Данная свободная игра, позволявшая студентам настойчиво двигаться вперед по собственной инерции, была обязательной для диалектики восстания, поскольку без нее не было бы баррикад 10 мая, которые, в свою очередь, спровоцировали всеобщую забастовку рабочих.

группы лепетали о необходимости «централизованного руководства», в то время как народное движение спало – движение, которое возникло, несмотря на их директивы и часто вопреки им.

Более или менее заметные революции и восстания имели не только замечательно анархичные начальные фазы, но также и тенденции к спонтанному созданию собственных форм революционного самоуправления. Парижские секции 1793–1794 годов были самыми замечательными формами самоуправления, из когда-либо созданных в истории социальных революций (См. [главу] «The Forms of Freedom»). Более известны по форме «советы», которые петроградские рабочие создавали в 1905 году. Хотя и менее демократические чем секции, советы вновь появлялись в ходе многих последующих революциях. Еще одной формой революционного самоуправления были фабрично-заводские комитеты, которые создавались анархистами в ходе Испанской революции 1936 года. Наконец, секции вновь возникают в виде студенческих ассамблей и комитетов действия в ходе майско-июньского восстания и всеобщей забастовки в Париже в 1968 году^{15*}.

Здесь мы должны задаться вопросом о том, какую роль «революционная» партия играет во всех этих событиях. С самого начала, как мы видели, она имеет тормозящую функцию, не роль «авангарда». Там, где она пользуется влиянием, такая партия, как правило, замедляет ход событий, а не «координирует» революционные силы. И это не случайно. Партия организована по иерархической схеме, отражающей то самое общество, против которого она, как утверждается, выступает. Несмотря на свои теоретические претензии, это – буржуазный организм, государство в миниатюре, с аппаратом и кадрами, чьей функцией является захват власти, а не ликвидация власти. Уходя своими корнями в дореволюционный период, она вбирает все формы, методы и менталитет бюрократии. Ее члены обучены в условиях послушания и предрассудков жестких догм и учатся почитать руководство. Руководство партии, в свою очередь, прошло обучение привычкам, порожденным командованием, властью, манипулированием и самовлюбленностью. Данная ситуация усугубляется, когда партия участвует в парламентских выборах. В избирательных кампаниях авангардная партия полностью моделирует себя в соответствии с существующими буржуазными формами и даже приобретает атрибуты избирательной партии. Ситуация обретает поистине критические масштабы, когда партия обзаводится большой прессой, дорогостоящей штаб-квартирой и большим количеством контролируемых ею централизованных периодических изданий, и развивает оплачиваемый «аппарат» – одним словом, бюрократию, преследующую собственные материальные интересы.

Поскольку ряды партии расширяются, дистанция между руководством и низами неизменно увеличивается. Ее лидеры не только становятся «персонами», они теряют связь с живой ситуацией, над которой они возвышаются. Группы на местах, которые знают ситуацию у себя лучше, нежели любой отдаленный руководитель, обязаны подчинять свое понимание директивам сверху. Руководство, испытывая недостаток в сведениях о местных проблемах, реагирует вяло и осторожно. Хотя оно настаивает на том, что оно обладает более «широким

¹⁵ С презрительным высокомерием, отчасти объясняемым их невежеством, некоторые марксистские группы фактически сводят все вышеупомянутые формы самоуправления к «Советам». Попытка соединить все эти формы в одну рубрику – не только введение в заблуждение, но сознательное мракобесие. Фактически советы были наименее демократичными из революционных форм, и большевики ловко использовали их, чтобы передать власть своей собственной партии. Советы не основывались на прямой демократии, как Парижские секции или студенческие ассамблей 1968 года. Не основывались они и на экономическом самоуправлении как испанские анархистские фабричные комитеты. Фактически Советы сформировали рабочий парламент, иерархически организованный, который выводил свое представительство с заводов, а затем из воинских частей и крестьянских деревень.

представлением» и большей «теоретической компетенцией», в действительности его компетенция имеет тенденцию к уменьшению по мере подъема по ступеням командной иерархии. Чем ближе к тому уровню, где принимаются реальные решения, тем более консервативной является природа процесса принятия решений, тем больше играют роль бюрократические и посторонние факторы, тем больше соображения престижа и ограничения подменяют творчество и бескорыстную преданность революционным целям.

Партия становится менее эффективной с революционной точки зрения, но тем больше она старается добиться эффективности с помощью иерархии, кадров и централизации. Хотя все идут в ногу, порядка, как правило, нет, особенно когда события начинают быстро развиваться и принимать неожиданные повороты – как это происходит во всех революциях. Партия является эффективной только в одном отношении – в формировании общества по своему иерархическому подобию, если революция оказывается успешной. Она воссоздает бюрократию, централизацию и государство. Она укрепляет их. Она возвращает именно те социальные условия, которые оправдывают такого рода общества. Таким образом, вместо «отмирания», государство, контролируемое «славной партией», сохраняет в себе те самые «необходимые» условия для существования государства – и партия «охраняет» это.

С другой стороны, такого рода партии чрезвычайно уязвимы в периоды репрессий. Буржуазии достаточно только схватить руководство, чтобы уничтожить практически все движение. Когда ее руководители оказываются в тюрьме или бегах, партия парализована; послушным членам некому повиноваться, и они проявляют тенденцию к колебаниям. Происходит быстрая деморализация. Партия разлагается не только из-за атмосферы репрессий, но также из-за убогости своих внутренних ресурсов.

Описанный процесс – отнюдь не перечень гипотетических выводов, но общий набросок пути всей массы марксистских партий прошедшего столетия: социал-демократов, коммунистов и троцкистской партии острова Цейлон (единственной массовой партии среди троцкистов). Утверждение, что эти партии не смогли серьезно отнести к своим марксистским принципам, таит в себе следующий вопрос: почему это произошло? А дело в том, что эти партии были кооптированы в буржуазное общество, потому что были построены по буржуазным схемам. Зародыш предательства существовал в них от рождения.

Большевистская партия избегла участия между 1904 и 1917 гг. только по одной причине: она была нелегальной организацией на протяжении большей части времени, предшествовавшего революции. Партия непрерывно разрушалась и воссоздавалась, так что до тех пор, пока не пришла к власти, она никогда не становилась действительно централизованной, бюрократизированной, иерархической машиной. Кроме того, она была разделена на фракции; напряженная фракционная атмосфера сохранялась на протяжении всего 1917 года и гражданской войны. Тем не менее, большевистское руководство было чрезвычайно консервативно – чертита, с которой Ленин боролся на протяжении 1917 года: сначала в попытках переориентировать Центральный комитет против Временного правительства (знаменитый конфликт вокруг «Апрельских тезисов»), а позднее в подталкивании ЦК к октябрьскому восстанию. В обоих случаях он пригрозил выйти из Центрального комитета и донести свои взгляды до «низов партии».

В 1918 году фракционные споры по проблеме Брестского мира стали настолько серьезными, что большевики, по сути, разделились на две враждующие коммунистические партии. Оппозиционные большевистские группы, такие как Демократические централисты и Рабочая оппозиция, вели жесткую борьбу внутри партии в течение 1919 и 1920 годов, не говоря уже об оппозиционных течениях, развивавшихся в Красной армии из-за пристрастия Троцкого к централизации. Полной централизации партии большевиков – достижения «ленинского

единства», как оно было позже названо – не произошло вплоть до 1921 года, когда Ленин сумел убедить X съезд партии запретить фракции. К этому времени большинство белогвардейцев было разбито, и иностранные интервенты вывели свои войска из России.

Не будет преувеличением подчеркнуть, что тенденция большевиков к централизации собственной партии дошла до такой степени, что они изолировались от рабочего класса. Эти взаимоотношения редко изучаются в современных ленинистских кругах, хотя Ленин был достаточно честен, чтобы признавать этот факт. История Российской революции – это не только история партии большевиков и ее сторонников. Под внешней официальной лакировкой событий, описанных советскими историками, шло другое, более фундаментальное, развитие – стихийное движение рабочих и революционных крестьян, которые впоследствии ожесточенно столкнулись с политикой большевиков. После свержения царя в феврале 1917 года рабочие практически всех заводов России стихийно создавали фабрично-заводские комитеты, заявлявшие о своих правах в области промышленных операций. В июне 1917 года в Петрограде была созвана всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, которая призывала к «организации полного рабочего контроля над производством и распределением». Требования данной конференции редко упоминаются в ленинистских докладах о Российской революции, несмотря на то, что конференция высказалась в поддержку большевиков. Троцкий, который описывает фабзавкомы как «наиболее непосредственное и неоспоримое представительство пролетариата всей страны», оставляет их на периферии своей обширной трехтомной истории революции. И все же эти стихийные органы были столь важны, что Ленин, отчаявшись захватить Советы летом 1917 года, был готов выбросить за борт лозунг «Вся власть Советам», заменив его другим: «Вся власть Фабрично-заводским комитетам». Это требование забросило бы большевиков совершенно на анархо-синдикалистские позиции, хотя вызывает сомнения, что они оставались бы там очень уж надолго.

С Октябрьской революцией фабзавкомы взяли под контроль заводы, изгнав буржуазию и взяв промышленность под полный контроль. Принимая концепцию рабочего контроля, известный ленинский декрет от 14 ноября 1917 года всего лишь признал свершившийся факт; большевики тогда еще не осмеливались выступать против рабочих. Но они стали сводить на нет власть фабрично-заводских комитетов. В январе 1918 года, спустя всего лишь два месяца после провозглашения рабочего контроля, Ленин начал настаивать на передаче управления на фабриках под контроль профсоюзов. История о том, что большевики будто бы «терпеливо» экспериментировали с рабочим контролем, пока не обнаружили его «неэффективность» и «хаотичность», является мифом. Их «терпение» длилось не более нескольких недель. Мало того что Ленин выступил против прямого рабочего контроля в течение нескольких недель после декрета от 14 ноября – даже профсоюзный контроль закончился уже вскоре после установления. К лету 1918 года практически во всей российской промышленности были введены буржуазные формы управления. Как писал Ленин, «революция (...) именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса»^{16*}. После этого рабочий контроль был осужден не только

¹⁶ В.И. Ленин. Очередные задачи Советской власти (V. I. Lenin, «The Immediate Tasks of the Soviet Government,» in Selected Works, vol. 7 (International Publishers; New York, 1943), p. 342). В этой резкой статье, опубликованной в апреле 1918 года, Ленин полностью отказался от либертарной перспективы, которую он выдвинул годом ранее в «Государстве и революции». Главный лейтмотив статьи – необходимость «дисциплины», авторитарного контроля над фабриками, а также введение системы Тейлора (системы, которую Ленин осуждал до революции как порабощение людей машинами). Данная статья была написана во время сравнительно мирного периода большевистского правления спустя примерно два месяца после подписания Брест-Литовского перемирия и за месяц до восстания чехословацкого корпуса на Урале – восстания, положившего начало широкомасштабной гражданской войне и открывшего период прямой интервенции союзников в Россию. И, наконец, статья была написана

как «неэффективный», «хаотичный» и «нецелесообразный», но также и как «мелкобуржуазный»!

Левый коммунист Осинский резко нападал на все эти ложные претензии и предупреждал партию: «Социализм и социалистическая организация труда будут построены самим пролетариатом, или они не будут вовсе построены, а будет построено нечто иное – государственный капитализм» (В.В. Осинский. Строительство социализма // «Коммунист», №2, 27 апреля 1918). В «интересах социализма» большевистская партия вытесняла пролетариат из всех сфер, которые он завоевал, благодаря своим усилиям и инициативе. Партия не координировала ход революции или даже не вела ее; она господствовала над ней. Первоначальный рабочий контроль и более поздний профсоюзный контроль были заменены замысловатой иерархией, столь же чудовищной, что и любая структура, существовавшая в дореволюционное время. Как показали последующие годы, пророчества Осинского стали реальностью.

Проблема «кто кого» – большевики или российские «массы» – ни в коем случае не ограничивалась пределами фабрикам. Тот же вопрос встал не только в городах, но и на селе. Широкая крестьянская война поддержала рабочее движение. Вопреки официальным ленинским отчетам, сельское восстание ни в коем случае не ограничивалось перераспределением земель в частные наделы. На Украине, крестьяне под влиянием анархистской милиции Нестора Махно и руководствуясь коммунистическим принципом «От каждого по способностям, каждому по потребностям», создали ряд сельских коммун. Несколько тысяч подобных же структур были созданы и в других районах, на Севере и в Советской Азии, отчасти по инициативе левых эсеров и в значительной степени под воздействием традиционных импульсов к коллективизму, исходящих из российской деревни, мира. Не так важно, были ли эти коммуны многочисленными и какое число крестьян они охватывали; важно, что они были подлинными народными органами, ядрами морального и социального духа, стоявшего куда выше бесчеловечных ценностей буржуазного общества.

Большевики с самого начала не одобряли эти органы и, в конце концов, осудили их. Для Ленина наиболее предпочтительной «социалистической» формой сельскохозяйственного предприятия было государственное хозяйство (совхоз, – прим. перевод.) – сельскохозяйственная фабрика, в которой государство владеет землей и сельскохозяйственной техникой, назначает руководителей, которые нанимают крестьян за зарплату. В таком отношении к рабочему контролю и сельскохозяйственным коммунам очевидны в высшей мере буржуазный дух и менталитет, которыми была пронизана большевистская партия изнутри и которые проис текали не только из их теорий, но и из корпоративной модели организации. В декабре 1918 года Ленин начал атаку против коммун под тем предлогом, что крестьян «принуждали» вступать в них «силой». На самом деле, принуждение при организации подобного рода форм коммунистического самоуправления использовалось весьма редко, если вообще использовалось. Как заключает Роберт Дж. Вессон, подробно изучавший советские коммуны: «Те, кто шел в коммуны, должно быть, поступали так в значительной степени по собственному желанию» (Robert G. Wesson, Soviet Communes (Rutgers University Press; New Brunswick, N.J., 1963), р. 110.). Коммуны не были подавлены, но у людей отбили охоту создавать их, а затем Сталин объединил весь процесс в управляемую принудительную коллективизацию конца двадцатых и начала тридцатых годов.

К 1920 году большевики изолировали себя от российского рабочего класса и крестьянства. Устранение рабочего контроля, подавление махновцев, атмосфера политических запретов

почти за год до поражения революции в Германии. Тяжело объяснить «Очередные задачи» просто с точки зрения гражданской войны в России и провала Европейской революции.

в стране, раздувание бюрократии и сокрушительная материальная нищета, унаследованные из гражданской войны, – все это в совокупности породило глубокую враждебность к большевистской власти. С окончанием военных действий из глубин российского общества поднялось движение за «третью революцию» – не за реставрацию прошлого, как утверждали большевики, но за реализацию тех подлинных целей свободы, как экономической, так и политической, которые сплотили массы вокруг большевистской программы 1917 года. Новое движение обрело свою наиболее сознательную форму среди петроградского пролетариата и матросов Кронштадта. Оно также нашло отражение и в партии: рост антицентралистских и анархо-синдикалистских тенденций среди большевиков достиг таких масштабов, что блок оппозиционных групп, ориентированных на эти темы, получил 124 места на Московской губернской конференции против 154 у сторонников Центрального комитета.

2 марта 1921 года «красные матросы» Кронштадта подняли открытое восстание, подняв знамя «Третьей революции трудящихся». Программа Кронштадта строилась вокруг требований о свободных выборах в Советы, свободе слова для анархистов и левых социалистических партий, о свободных профсоюзах и освобождении всех заключенных, принадлежавших к социалистическим партиям. Для объяснения этого восстания большевики сфабриковали самые бесстыдные истории, но в последующие годы они были признаны беспардонной ложью. Восстание было охарактеризовано как «белогвардейский заговор», несмотря на то, что подавляющее большинство членов компартии в Кронштадте присоединилось к матросам – именно как коммунисты – осудив партийное руководство как предателей Октябрьской революции. Как замечает в своем исследовании об оппозиционных движениях среди большевиков Роберт Винсент Дэниелс: «Рядовые коммунисты действительно были настолько ненадежны... что правительство не полагалось на них ни при штурме Кронштадта, ни для поддержания порядка в Петрограде, где кронштадтцы прежде всего стремились получить поддержку. Основную часть выставленных войск составляли чекисты и курсанты тренировочных школ Красной армии. Последний штурм Кронштадта был возглавлен чиновничьей верхушкой Коммунистической партии – большой группой делегатов X Съезда партии, доставленных для этой цели из Москвы» (R. V. Daniels. *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960, p. 145.). Режим был настолько внутренне ослаблен, что элите пришлось самой делать эту грязную работу.

Еще более значительным, чем Кронштадтское восстание, было забастовочное движение, которое развилось в Петрограде, – движение, ставшее искрой для восстания матросов. Ленинистские истории не рассказывают подробно об этом важном критическом процессе. Первые забастовки на Трубочном заводе начались 23 февраля 1921 года. В течение нескольких дней движение охватывало одну фабрику за другой, вплоть до того, что 28 февраля прославленные пutilовские рабочие – «горнило Революции» – вышли на забастовку. Были выдвинуты не только экономические требования, рабочие столь же определенно выдвинули и политические, предвосхитив все те требования, которые были подняты матросами Кронштадта несколькими днями позднее. 24 февраля большевики объявили в Петрограде «осадное положение» и арестовали лидеров забастовщиков, подавляя рабочие демонстрации с помощью курсантов. Фактически большевики не просто подавили «матросский мятеж»; они сокрушили сам рабочий класс. Именно в этот момент Ленин потребовал запрета фракций в Коммунистической партии. Централизация партии была теперь завершена – и был вымощен путь для Сталина.

Мы подробно остановились на этих событиях, так как они приводят к выводу, которого старательно избегают марксисты-ленинцы последующего разлива: большевистская партия достигла максимального уровня централизации в дни Ленина не ради доведения до конца

революции или подавления белогвардейской контрреволюции, но ради того чтобы произвести свою собственную контрреволюцию против социальных сил, которые она якобы представляла. Фракции были запрещены, и была создана монолитная партия – не для предотвращения «капиталистической реставрации», но чтобы сдержать массовое рабочее движение к советской демократии и социальной свободе. Ленин 1921 года выступил против Ленина 1917 года.

После этого Ленин попросту барахтался в трясине. Этот человек, который, прежде всего, стремился прикрепить проблемы своей партии к социальным противоречиям, оказался в буквальном смысле слова участником организационной «игры в цифры» в последней отчаянной попытке остановить им же порожденную бюрократизацию. Нет ничего более патетичного и трагичного чем последние годы Ленина. Скованный упрощенным набором марксистских формул, он не мог представить себе иных контрмер, кроме носящих организационный характер. Он предложил организовать Рабоче-крестьянскую инспекцию для устранения бюрократических деформаций в партии и государстве – и этот орган попал под сталинский контроль и сам стало крайне бюрократизированным. Тогда Ленин предложил сократить размеры Рабоче-крестьянской инспекции и объединить ее с Контрольной комиссией партии. Он выступил за расширение Центрального комитета. Так это и катилось: этот орган расширить, тот объединить с другим, третий изменить или ликвидировать. Странный балет организационных форм продолжался до самой смерти Ленина, как если бы эта проблема могла быть разрешена организационными средствами. Как признает Моше Левин, известный поклонник Ленина, большевистский лидер «подошел к проблемам управления как руководитель с “элитаристским” складом ума. Он не применил методы социального анализа к управлению и довольствовался рассмотрением этого вопроса исключительно с точки зрения организационных методов». (Mosche Lewin, *Lenin's Last Struggle* (Pantheon; New York, 1968), p. 122..)

Если верно, что в буржуазных революциях «фраза выходит за рамки содержания», в большевистской революции формы подменили содержание. Советы заменили рабочих и их фабзавкомы, партия заменила Советы, ЦК заменил партию, и Политбюро заменило Центральный комитет. Короче говоря, средства заменили цели. Эта невероятная подмена формой содержания является одной из характерных черт марксизма-ленинизма. Во Франции в ходе событий в мае-июне, все большевистские организации были готовы уничтожить ассамблеи студентов Сорбонны, с тем чтобы увеличить свое влияние и число членов. Принципиальным вопросом для них были не революция или подлинные социальные формы, созданные студентами, но рост собственной партии.

Только одна сила была способна остановить рост бюрократии в России: социальная сила. Если бы российскому пролетариату и крестьянству удалось расширить сферу самоуправления путем развития жизнеспособных фабрично-заводских комитетов, сельских коммун и свободных Советов, история страны, возможно, получила бы совсем иной поворот. Не подлежит сомнению, что провал социалистической революции в Европе после Первой мировой войны привел к изоляции революции в России. Материальная бедность в России, в сочетании с давлением окружающего капиталистического мира, явно препятствовала социалистического или либертарного по своей сути общества. Но это ни в ком случае это не предопределяло, что Россия должна была развиваться по пути государственного капитализма. Вопреки первоначальным ожиданиям Ленина и Троцкого, революция была побеждена внутренними силами, а не армиями, вторгшимися из-за границы. Если бы движение снизу восстановило первоначальные достижения революции 1917 года, возможно, возникла бы многогранная социальная структура, основанная на рабочем контроле над промышленностью, свободно развивающемся крестьянском сельском хозяйстве, а также живом взаимодействии.

ствии идей, программ и политических движений. По крайней мере, Россия не оказалась бы скована тоталитарными цепями, и сталинизм не отравил бы мировое революционное движение, проложив дорогу фашизму и Второй мировой войне.

И однако же, развитие партии большевиков сделало невозможным такой процесс – невзирая на «добрые намерения» Ленина и Троцкого. Уничтожая власть фабзавкомов в промышленности и громя махновцев, петроградских рабочих и кронштадтских матросов, большевики по сути гарантировали триумф российской бюрократии над российским обществом. Централизованная партия – полностью буржуазный институт – стала прибежищем контрреволюции в ее наиболее зловещей форме. Это было скрытой контрреволюцией, прикрывавшейся красным флагом и терминологией Маркса. В конечном счете, большевики подавили в 1921 году не «идеологию» или заговор «белогвардейцев», но стихийного борьбу российского народа за свое освобождение от оков и контроль над своей судьбой^{17*}. Для России это означало кошмар Сталинской диктатуры; а для поколения тридцатых – ужас фашизма и предательство коммунистических партий в Европе и Соединенных Штатах.

Две традиции

Было бы невероятно наивно полагать, будто ленинизм был творением только одного человека. Болезнь лежит гораздо глубже, не только в ограниченности марксистской теории, но и в ограничениях социальной эпохи, породившей марксизм. Если это не будет четко понято, то мы останемся столь же слепыми к диалектике сегодняшних событий, как Маркс, Энгельс, Ленин и Троцкий в свое время. Для нас эта слепота тем более предосудительна, потому что за нами богатство опыта, которого этим людям недоставало для развития их теорий.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс были централистами – не только в политическом смысле, но и в социально-экономическом. Они никогда не отрицали данного факта, а их сочинения изобилуют пылкими восхвалениями политической, организационной и экономической централизации. Уже в марте 1850 года, в известном «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», они призывали рабочих бороться не только за «единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться в этой республике самой решительной централизации силы в руках государственной власти». Дабы требование было воспринято, оно неоднократно повторяется в том же параграфе, который заканчивается так: «Как во Франции в 1793г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Март 1850. Соч. Изд. 2. Т. 7).

Та же самая тема вновь и вновь возникает в последующие годы. Например, после начала франко-пруссской войны Маркс написал Энгельсу: «Французов надо вздуть. Если прусаки победят, то централизация государственной моцки будет использована для централизации

¹⁷Характеризуя это стихийное движение российских рабочих и крестьян как серию «белогвардейских заговоров», «актов кулацкого сопротивления» и «происков международного капитала», большевики скатились на невероятно низкий теоретический уровень и не обманули никого, кроме самих себя. Внутри партии развилась духовная эрозия, проложившая путь к политике тайной полиции, к дискредитации и, наконец, к московским процессам и уничтожению старых большевистских кадров. Возвращение к этому одиозному менталитету можно обнаружить в таких статьях «Прогрессив лэйбор» как «Маркузе: трусливый соглашатель или коп?». Ее темой является выставление Маркузе в качестве агента ЦРУ (См.: Progressive Labor, February 1969.). Заголовок статьи под фотографией парижских демонстрантов гласит: «Маркузе попал в Париж слишком поздно, чтобы остановить майские события». Противники ПРП неизменно описывают в этом листке как «гонители коммунистов» и «антирабочие» элементы. Если американские левые не откажутся от такого полицейского подхода и дискредитации, то горько расплатятся за это в последующие годы.

ции германского рабочего класса» (Karl Marx and Frederick Engels, Selected Correspondence (International Publishers; New York, 1942), p. 292.).

Однако Маркс и Энгельс были централистами не потому что верили в централизм сам по себе. Как раз наоборот: и марксизм, и анархизм всегда соглашались, что освобождение, коммунистическое общество влечут за собой широкую децентрализацию, исчезновение бюрократии, ликвидацию государств и распад больших городов. «... уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, – отмечает Энгельс в «Анти-Дюиринге», – оно стало прямой необходимостью (...) Только путем слияния города и деревни можно устраниТЬ нынешнее отравление воздуха, воды и почвы (...). Для Энгельса речь идет о как можно более равномерном распределении [промышленности, а затем и населения в целом] по всей стране (Ф. Энгельс. Анти-Дюиринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюирингом. М: Политиздат, 1977. С.300–301), – короче говоря, о физической децентрализации городов.

Истоки марксистского централизма лежат в проблемах, связанных с формированием национального государства. Вплоть до второй половины девятнадцатого столетия Германия и Италия были разделены на множество независимых княжеств, герцогств и королевств. Консолидацию этих географических единиц в единые нации Маркс и Энгельс считали *sine qua non* (непременным условием) развития современной промышленности и капитализма. Их похвалы централизму были порождены не какой-то там централистской мистикой, но событиями того периода, в котором они жили – развитием технологий, торговли, объединением рабочего класса и национальным государством. Их обеспокоенность на этот счет, вкратце, связана с возникновением капитализма, задачами буржуазной революции в эпоху неизбежного материального дефицита. Подход Маркса к «пролетарской революции», с другой стороны, заметно отличается. Он восторженно хвалит Парижскую Коммуну как образец «всем большим промышленным центрам Франции»: «Если бы коммунальный строй, – пишет он, – установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции» (выделено нами – М.Б.) (К.Маркс. Гражданская война во Франции). Единство нации, конечно же, не исчезло бы, и центральное правительство существовало бы в период перехода к коммунизму, но его функции были бы ограничены.

Наша цель, однако же, заключается не в том, чтобы обсуждать цитаты из Маркса и Энгельса, а в том, чтобы подчеркнуть в какой мере ключевые принципы марксизма – которые принимаются сегодня столь некритически – являются на самом деле продуктом эпохи, которая уже давно преодолена развитием капитализма в Соединенных Штатах и Западной Европе. В свое время Маркс был занят проблемами не только «пролетарской революции», но также и буржуазной революции, в особенности в Германии, Испании, Италии и Восточной Европе. Он рассматривал проблемы перехода от капитализма к социализму в капиталистических странах, которые еще далеко не достигли пределов угольно-стальной технологии Индустриальной революции, и проблемы перехода от феодализма к капитализму в странах, которые едва вышли за рамки ремесленного производства и цехового строя. Чтобы широко изложить эти вопросы, Маркс, прежде всего, занимался предпосылками свободы (технологическое развитие, национальное объединение, материальное изобилие), а не условиями свободы (децентрализация, создание сообществ, развитие человека, прямая демократия). Его теории была все еще укоренена в царстве выживания, а не в царстве жизни.

Только осознав это, можно придать теоретическому наследию Маркса осмысленную перспективу – чтобы отделить его богатый вклад от исторических ограничений, которые

в наше время действительно парализуют и сковывают. Марксистская диалектика, содержащая множество проницательных догадок, обеспеченных историческим материализмом, превосходный критический анализ товарных отношений, многие элементы экономических теорий, теория отчуждения, и, прежде всего, понимание того, что у свободы есть материальные предпосылки – все это остается прочным вкладом в революционную мысль.

В то же время, сосредоточенность Маркса на промышленном пролетариате как «агенте» революционных преобразований, его «классовый анализ» для объяснения перехода от классового к бесклассовому обществу, его концепция диктатуры пролетариата, его упор на централизм, его теория капиталистического развития (которая имеет тенденцию смешивать государственный капитализм и социализм), его пропаганда политической борьбы посредством партийных выборов – все эти и многие связанные с ними концепции являются ложными в контексте нашего времени и вводили в заблуждение, как мы увидим далее, даже в его дни. Они проистекают из ограниченности его видения – а точнее, из ограничений его времени. Они будут иметь смысл, только если помнить, что Маркс оценивал капитализм как исторически прогрессивный и необходимую стадию в развитии к социализму, и они были применимы на практике только в то время, когда Германия, в частности, сталкивалась с буржуазно-демократическими задачами и национальным объединением. (Мы не утверждаем при этом, что Маркс был прав в поддержке такого подхода, только потому, что такой подход имеет смысл, если рассматривать его применительно к его времени и месту.)

Подобно тому, как Российская революция включала подспудное движение «масс», которые вступали в противоречие с большевизмом, точно так же в истории есть подспудные движения, которые вступают в противоречие с любой системой власти. Данное движение вошло в нашу эпоху под именем «анархизма», хотя оно никогда не охватывалось единой идеологией или набором священных текстов. Анархизм – это либидиозное движение человечества против любых форм принуждения, уходящее во времени к самому возникновению собственнического общества, классового господства и государства. С тех пор и в дальнейшем, угнетенные сопротивлялись всем тем формам, которые стремятся лишить свободы стихийное развитие общественного порядка. Анархизм вышел на передний план социальной арены в период главного перехода от одной исторической эпохи к другой. Упадок античного и феодального миров явил подъем массовых движений, в некоторых случаях имевших дикий, дионаисийский характер. Они требовали положить конец всем системам власти, привилегий и принуждения.

Анархические движения прошлого потерпели неудачу в значительной степени, потому что материальный дефицит, проявление низкого технологического уровня, не позволял осуществить органическую гармонизацию человеческих интересов. Любое общество, которое может обещать не многим большее, нежели неизменное равенство бедности, неминуемо порождает глубинные тенденции к восстановлению новых систем привилегий. В случае отсутствия технологий, которые способны заметно сократить рабочий день, необходимость работать исказит социальные институты, основанные на самоуправлении. Жирондисты Французской революции проницательно сознавали, что могут использовать рабочий день против революционного Парижа. Чтобы исключить радикальные элементы из секций, они попытались ввести в действие законопроект, который бы заканчивал все собрания до десяти часов вечера, когда парижские рабочие возвращались с работы. На самом деле, конец анархическим фазам прошлых революций положили не только техника манипулирования и предательство со стороны «авангардной» организации, но и материальные пределы прошлых эпох. «Массы» всегда были вынуждены возвращаться к тяжелым трудовым будням и в редких случаях имели свободу создавать органы самоуправления, способные сохраниться после революции.

Такие анархисты как Бакунин и Кропоткин, были, однако же, отнюдь не неправы в критике Маркса из-за его акцента на централизме и элитарных представлений об организации. Действительно ли централизм был абсолютно необходим для технических достижений прошлого? Действительно ли национальное государство было необходимым для распространения торговли? Получило ли рабочее движение пользу от появления высокоцентрализованных экономических предприятий и «неделимого» государства? Мы склонны слишком некритично принимать эти марксистские принципы, во многом, потому что капитализм развивался в пределах централизованной политической сферы. Анархисты прошлого столетия предупреждали, что централистский подход Маркса, поскольку он находился под влиянием событий того времени, так усилит буржуазию и государственный аппарат, что ниспровержение капитализма станет делом чрезвычайно трудным. Революционная партия, дублируя эти централистские, иерархические особенности, будет воспроизводить иерархию и централизм в послереволюционном обществе.

Бакунин, Кропоткин и Малатеста отнюдь не были столь наивны, чтобы полагать, что анархизм может быть установлен в одночасье. Приписывая это мнение Бакунину, Маркс и Энгельс преднамеренно исказили взгляды российского анархиста. Также анархисты прошлого века не верили, будто упразднение государства повлечет «складывание оружия» немедленно после революции, пользуясь мракобесной терминологией Маркса, бездумно повторенной Лениным в «Государстве и революции». На самом деле, многое из того, что выдается в «Государстве и революции» за «марксизм» – это чистейший анархизм, например, замена профессиональных вооруженных сил революционной милицией и замена парламентских органов органами самоуправления. То, что является в ленинском памфлете подлинно марксистским, так это требование строгой централизации, признание «новой» бюрократии, и идентификация Советов с государством.

Анархисты прошлого столетия были глубоко озабочены вопросом о том, как провести индустриализацию без подавления революционного духа «масс» и возвращения новых препятствий на пути к освобождению. Они опасались, что централизация укрепит способность буржуазии к сопротивлению революции и вселит в рабочих чувство покорности. Они старались спасти все те докапиталистические общественные формы (такие как российский мир и испанское пуэбло), которые могли бы дать толчок к свободному обществу, не только в структурном, но и в духовном смысле. Поэтому они подчеркивали необходимость децентрализации даже в условиях капитализма. В отличие от марксистских партий, их организации уделяли значительное внимание тому, что они называли «интегральным образованием» – всесторонним развитием человека – чтобы противодействовать ухудшающему и опошляющему влиянию буржуазного общества. Анархисты старались жить ценностями будущего в той степени, в какой это возможно в условиях капитализма. Они верили в прямое действие, укрепляющее инициативу «масс», сохраняющее дух восстания, поощряющее спонтанность. Они пытались развивать организации, основывающиеся на взаимопомощи и братстве, контроль в которых будет осуществляться снизу вверх, а не сверху вниз.

Здесь мы должны остановиться на более детальном исследовании природы анархистских организационных форм, потому что данная тема была скрыта под ужасным количеством шелухи. Анархисты, или, по крайней мере, анархо-коммунисты, признавали необходимость

организации^{18*}. Быть вынужденными повторять это снова и снова столь же абсурдно, как спорить о том, признавал ли Маркс необходимость социальной революции.

Реальный вопрос здесь не «организация против не-организации», а то, какую организацию анархо-коммунисты пытаются создать. Общее для различных типов анархо-коммунистических организаций в том, что они органически вырастают снизу, а не являются органами, искусственно вызванными к жизни сверху. Они являются социальными движениями, комбинирующими творческий революционный образ жизни с творческой революционной теорией, а не политическими партиями, чей образ жизни ничем не отличается от окружающей буржуазной среды и идеология которых сводится к жестким «опробованным и проверенным программам». Насколько это в человеческих силах, они пытаются быть отражением освобожденного общества, а не по рабски дублировать существующую систему иерархии, классов и власти. Они строятся вокруг братских и сестринских групп людей, близких друг другу – аффинити-групп – чья способность к взаимодействию основана на инициативе, свободно принятых убеждениях, и на глубокой личной заинтересованности, а не строится вокруг бюрократического аппарата, расширенного за счет послушных членов и управляемого сверху горсткой всезнающих руководителей.

Анархо-коммунисты не отрицают необходимость координации между различными группами, дисциплины, тщательного планирования и единства действий. Но они полагают, что согласованность, дисциплина, планирование и единство действий должны быть достигнуты добровольно, посредством самодисциплины, которую питают понимание и убежденность, а не путем принуждения и бессмысленного, беспрекословного подчинения приказам сверху. Они стремятся достичь эффективности, приписываемой централизму, посредством добровольности и понимания, а не путем создания иерархической, централизованной структуры. В зависимости от потребностей или обстоятельств, аффинити-группы могут добиться этой эффективности через собрания, комитеты действий, местные, региональные и национальные конференции. Но они выступают решительно против создания организационной структуры, которая становится самоцелью, комитетов, которые засиживаются после того как все практические задачи были выполнены, «лидерства», которое низводит «революционера» до безмозглого робота.

Эти выводы не являются следствием легкомысленных «индивидуалистических» импульсов: как раз наоборот, они возникают из приидиличивых исследований прошлых революций, влияния централизованных партий, оказанного на революционный процесс, и природы социальных преобразований в эпоху потенциального материального изобилия. Анархо-коммунисты стремятся сохранить и расширить анархическую фазу, которая открывала все великие социальные революции. Даже в большей мере, чем марксисты, они признают, что революции вызываются глубинными историческими процессами. Не центральный комитет «делает» социальную революцию; в лучшем случае он может организовать государственный переворот, замену одной иерархии на другую – или в худшем, задержать революционный процесс, если он пользуется сколь-нибудь широким влиянием. Центральный комитет является органом для взятия власти, для воссоздания власти, для захвата в свои руки того, чего «массы» добились своими собственными революционными усилиями. Нужно быть слепым ко всему, что произошло за последние два столетия, чтобы не признавать эти важные факты.

^{18*} Термин «анархист» является столь же обобщенным, как термин «социалист», и вероятно есть столь же много разных видов анархистов, как и социалистов. В обоих случаях спектр простирается от людей, чьи взгляды исходят из расширенного либерализма («анархо-индивидуалисты», социал-демократы), до революционных коммунистов (анархо-коммунисты, революционные марксисты, ленинисты и троцкисты).

В прошлом, марксисты могли выдвигать вразумительные (хотя и безосновательные) притязания насчет необходимости централизованной партии, потому что анархический период революции сводился на нет материальным дефицитом. В экономическом плане «массы» всегда были вынуждены возвращаться к повседневной трудовой жизни. Революция закрывалась в 10 часов вечера, совершенно независимо от реакционных намерений жирондистов 1793 года; она была остановлена низким технологическим уровнем. Сегодня даже этот предлог был устранен развитием технологии пост-дефицита, в особенности в США и Западной Европе. Теперь достигнута та точка, когда «массы» могут начать, почти в одночасье, радикально расширить «царство свободы» в марксистском смысле – для приобретения досуга, необходимого для достижения высокой степени самоуправления.

Майско-июньские [1968 года] события во Франции продемонстрировали отнюдь не необходимость партии большевистского типа, но потребность в большей сознательности «масс». Парижские демонстранты показали, что организация необходима для того, чтобы систематически распространять идеи – и не просто идеи, но идеи, которые способствуют продвижению концепции самоуправления. То, чего недоставало французским «массам» – это не центрального комитета и не Ленина, чтобы «организовать» или «командовать» ими, а убежденности в том, что они сами могут управлять фабриками, а не просто захватывать их. Примечательно, что ни одна партия большевистского типа во Франции не провозгласила требования самоуправления. Требование было выдвинуто только анархистами и ситуационистами.

Необходимость в революционной организации существует – но ее функции всегда должны быть ясными и понятными. Ее первой задачей является пропаганда, чтобы «терпеливо разъяснять», как говорил Ленин. В революционной ситуации, революционная организация представляет самые передовые требования: она готова на каждом повороте событий сформулировать – самым конкретным образом – непосредственные задачи, которые должны быть выполнены, чтобы продвигать революционный процесс вперед. Она обеспечивает самые смелые элементы в действии и в процессе принятия решений органами революции.

В чем же тогда анархо-коммунистические группы отличаются от партий большевистского типа? Конечно не в таких вопросах как необходимость организации, планирования, координации, пропаганды во всех ее формах или потребность в социальной программе. По сути, они отличаются от партий большевистского типа в своем убеждении, что подлинные революционеры должны действовать в рамках форм, созданных революцией, а не форм, созданных партией. Это означает, что они ориентируются на революционные органы самоуправления, а не на революционную «организацию», на социальные, а не политические формы. Анархо-коммунисты стремятся склонить фабрично-заводские комитеты, ассамблеи или советы к тому, чтобы те превратились в подлинные органы народного самоуправления, а не доминировать над ними, манипулировать ими, или присоединить их к всезнающей политической партии. Анархо-коммунисты не стремятся воздвигать государственную структуру над этими народными революционными органами, но, напротив, хотят растворить все организационные формы, развитые в предреволюционный период (включая их собственные), в этих подлинных революционных органах.

Эти различия имеют решающее значение. Несмотря на риторику и лозунги, российские большевики никогда не верили в Советы; они рассматривали их в качестве инструментов большевистской партии, – позиция, которую французские троцкисты добросовестно дублируют в своем отношении к студенческим ассамблеям в Сорbonne, французские маоисты – к французским профсоюзам, и старые левые – к СДС. К 1921 году Советы были практически мертвы, и все решения принимались в ЦК Политбюро большевиков. Анарх-

коммунисты не только стремятся помешать марксистским партиям повторить все это; они хотят не дать и своей собственной организации сыграть подобную роль. Соответственно, они стараются предотвратить появление в своей среде бюрократии, иерархии и элиты. Не менее важно то, что они стараются переделать себя; чтобы искоренить в себе самих те авторитарные черты и элитарные наклонности, которые усваиваются в иерархическом обществе чуть ли не с рождения. Обеспокоенность анархистского движения образом жизни – это забота не только о своей собственной целостностью, но и о целостности самой революции^{19*}.

Посреди всех сбивающих с толку идеологических переплетений нашего времени один вопрос должен всегда оставаться на переднем плане: какого черта мы пытаемся сделать революцию? Мы пытаемся сделать революцию, чтобы обновить иерархию, мельтеша призрачной мечтой о будущей свободе перед глазами человечества? Чтобы содействовать дальнейшему техническому прогрессу для создания еще большего изобилия товаров, чем существует сегодня? Чтобы «свести счеты» с буржуазией? Чтобы привести к власти ПРП? Или компартию? Или Социалистическую рабочую партию? Чтобы эмансионировать такие абстракции как «Пролетариат», «Люди», «История», «Общество»?

Или революция должна, наконец, ликвидировать иерархию, классовое господство и принуждение – чтобы позволить каждому человеку получить контроль над его повседневной жизнью? Чтобы сделать каждый миг столь же чудесным, каким он мог бы быть, а жизненный путь каждого индивида – опытом полной самореализации? Если истинная цель революции состоит в том, чтобы привести к власти неандертальцев из ПРП, ее не стоит совершать. Мы вряд ли должны обсуждать глупые вопросы о том, может ли индивидуальное развитие быть отделено от социального и коммунального развития; очевидно, что оба они идут рука об руку. Основа бытия цельного человека – окружающее общество; основа для свободного человека – свободное общество.

Оставив в стороне эти вопросы, мы по-прежнему столкнемся с вопросом, который Маркс поднял в 1850 году: когда мы начнем черпать свою поэзию из будущего, а не из прошлого? Надо дать мертвым похоронить своих мертвцев. Марксизм мертв, потому что он уходит корнями в общество материального дефицита, ограниченного в своих возможностях материальной нуждой. Наиболее важное социальное послание марксизма состоит в том, что свобода имеет материальные предпосылки – мы должны выжить, чтобы жить. С развитием технологии, которая, возможно, не могла быть понята дикой научной фантастикой времен Маркса, возможное общества пост-дефицита теперь находится перед нами. Все институты собственнического общества – классовое господство, иерархия, патриархальная семья, большой город, государство – исчерпали себя. Сегодня децентрализация является не только желательной в качестве средства человеческого развития, она необходима для воссоздания жизнеспособной экологии, сохранения жизни на нашей планете от разрушительного воздействия загрязняющих веществ и эрозии почв, сохранения атмосферы и равновесия в природе. Необходимо развивать стихийность, если социальная революция призвана дать каждому человеку контроль над его повседневной жизнью. Старые формы борьбы полностью не исчезают с разложением классового общества, но они в настоящее время перекрываются вопросами

¹⁹Именно эта цель, можем мы добавить, служит мотивом для анархистского дадаизма, анархистского флип-аута (flipout), который наводит ужас на деревянные лица типов вроде из ПРП. Анархистский флип-аут старается разрушить внутренние ценности, унаследованные от буржуазного процесса социализации. Одним словом, это попытка разбить супер-эго, которое осуществляет парализующее действие на стихийность, воображение и чувственность, и восстановить ощущение мечты, возможности и великолепия – революции как освобождения, радостного праздника.

бесклассового общества. Не может быть никакой социальной революции без участия трудящихся, следовательно, они должны получать нашу активную солидарность во всякой борьбе, которую они ведут против эксплуатации. Мы боремся против социальных преступлений везде, где они появляются; а промышленная эксплуатация – это серьезное социальное преступление. Но социальные преступления – это также расизм, отказ в праве на самоопределение, империализм и нищета, – и если на то пошло, загрязнения, необузданная урбанизация, зловредная социализация молодежи, а также сексуальные притеснения. Что касается проблем вовлечения рабочего класса в революцию, мы должны принять во внимание, что предварительное условие для существования буржуазии – развитие пролетариата. Капитализм как социальная система предполагает существование обоих классов и увековечен развитием обоих классов. Мы начинаем подрывать здание классового господства до такой степени, что способствуем деклассированию не-буржуазных классов, по крайней мере, в институциональном, психологическом и культурном отношении.

Впервые в истории анархическая фаза, которая открывала все революции прошлого, может быть сохранена в качестве перманентного условия, благодаря передовым технологиям нашего времени. Анархические институты этой фазы – ассамблеи, фабзавкомы, комитеты действия – могут быть установлены в качестве элементов освобожденного общества, элементов новой системы самоуправления. Сможем ли мы построить движение, которое сможет их защитить? Сможем ли мы создать организацию аффинити-групп, которые способны раствориться в этих революционных институтах? Или мы построим иерархическую, централизованную, бюрократическую партию, которая попытается доминировать над ними, вытесняя их, и, наконец, уничтожит их?

Послушай, марксист: Организация, которую мы пытаемся построить, является типом общества, которое создаст наша революция. Либо мы избавимся от прошлого – в самих себе, так же как в наших группах – либо просто не будет никакого будущего, чтобы победить.

Нью-Йорк

Май 1969

Примечание об аффинити-группах

Термин «аффинити группа» является английским переводом испанского выражения *grupo de afinidad*. Так называлась организационная форма, выработанная еще в дофранкистский период как основа грозной *Federación Anarquista Iberica*, Федерации анархистов Иберии. (ФАИ состояла из самых идейных активистов НКТ, огромного анархо-синдикалистского профсоюза.) Рабская имитация организационных форм и методов ФАИ невозможна и нежелательна. Испанские анархисты тридцатых годов сталкивались с совершенно иными социальными проблемами, нежели те, с которыми сталкиваются сегодня американские анархисты. (И тоже самое можно сказать про попытки имитации организационных форм и методов как ФАИ, так и американских анархистов 1970 годов в России начала двадцать первого столетия – прим. пер.)

Форма аффинити-групп, однако, имеет черты, применимые в любой социальной ситуации, и они часто интуитивно принимались американскими радикалами, которые называли создаваемые организации «коллективами», «коммунами» или «семьями». Аффинити-группа может легко рассматриваться как новый тип семьи, в которой родственные связи заменяются

очень чуткими человеческими отношениями – отношениями, питаемыми общими революционными идеями и практикой. Задолго до того, как слово «племя» получило популярность в американской контркультуре, испанские анархисты называли свои конгрессы *asambleas de las tribus* – ассамблеи племен. Аффинити-группа преднамеренно сохраняется маленькой, чтобы обеспечить максимальную степень близости между теми, кто ее составляет. Автономная, общинная и основанная на прямой демократии, группа сочетает революционную теорию с революционным образом жизни в их каждодневных действиях. Это создает свободное пространство, в котором революционеры могут менять самих себя, а также социальное бытие.

Аффинити-группы предназначены для того, чтобы выступать в качестве катализаторов внутри народного движения, но не «авангарда»; они обеспечивают инициативу и сознательность, но не играют роль «генерального штаба» и «командования». Группы распространяются на молекулярном уровне, и у них есть свое собственное «броуновское движение». Соединены оны вместе или действуют по отдельности – это определяется жизненной ситуацией, а не бюрократическим указом из далекого центра. В условиях политических репрессий аффинити-группы весьма устойчивы по отношению к полицейской инфильтрации. Вследствие близости отношений между участниками группы, в группы часто тяжело проникнуть, и, даже если проникновение происходит, в них нет никакого централизованного аппарата, чтобы предоставить агенту краткий обзор движения в целом. Даже при таких требовательных условиях аффинити-группы могут по-прежнему сохранять контакт друг с другом через свои периодические издания и литературу.

В периоды повышенной активности, с другой стороны, ничто не мешает аффинити-группам сотрудничать в любых масштабах, требуемых живой ситуацией. Они могут легко федерироваться посредством местных, региональных или национальных ассамблей для выработки общей политики, и они могут создавать временные комитеты действий (такие как у французских студентов и рабочих в 1968 году) для координации конкретных задач. Аффинити-группы, однако, всегда укоренены в народном движении. Они преданы социальным формам, созданным революционным народом, а не безликой бюрократии. Вследствие своей автономии и местного характера, группы могут сохранить чуткость в оценке новых возможностей. Крайне экспериментальные и разнообразные в образе жизни, они воздействуют как стимул друг на друга, а также на народное движение. Каждая группа пытается приобрести ресурсы, необходимые для самостоятельного функционирования. Каждая группа стремится приобрести целостный набор знаний и опыта в целях преодоления социальных и психологических ограничений, налагаемых буржуазным обществом на индивидуальное развитие. Каждая группа, как ядро сознательности и опыта, старается продвигать стихийное народное революционное движение к моменту, когда группа сможет, наконец, исчезнуть в органических социальных формах, созданных революцией.

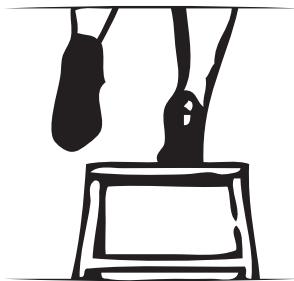
(Впоследствии Букчин пересмотрел свое отношение к «автономии» и аффинити-группам. В работе «Социальный анархизм или анархизм образа жизни...» он рассматривал «автономию» – в отличие от «свободы» – как проявление буржуазно-эгоистической замкнутости «на себе» и стремления свести отношения с обществом к минимуму. «То, что сегодня сходит за анархизм в Америке и во все большей степени в Европе – не более чем основанный на самонаблюдении персонализм, порочащий ответственные социальные обязательства; группа встречи, переименовываемая то в «коллектив», то в «аффинити-группу»; душевное состояние, которое надменно осмеивает структуру, организацию и участие в общественных делах; и игровая площадка для инфантильных выходок», – Murray Bookchin. *Social anarchism or life style anarchism: an unbridgeable chasm*. Edinburgh, 1995. P.10 – Прим.В.Д.).

Примечания:

Перевод: А. Фёдоров под редакцией В. Д.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

Мюррей Букчин
Послушай, марксист!
1969

Сохранено 3 июля 2014 года из <http://aitrus.info/node/912>

Данная статья была написана в мае 1969го года, всего лишь через год после «Красного мая» в Париже. События того времени на многих оказали серьезное влияние и вселили надежду на реинкарнацию сильного левого движения. Не избежал этого влияния и Мюррей Букчин, что отразилось в частности и в приводимой в данном случае статье. С тех пор прошло

несколько десятков лет, многие надежды не оправдались, а сам Букчин во многом пересмотрел в последствии свои взгляды. Статья Мюррея Букчина «Listen, Marxist!» была написана в 1969м году и вошла позднее в книгу «Анархизм пост-дефицита» 1971го года: Bookchin M. Post-scarcity anarchism. — Montreal-Buffalo: Black Rose Books, 1986. P. 193-244

ru.theanarchistlibrary.org